На правах рукописи

Кузнецова Алла Владимировна

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ПАМЯТИ): КОНЕЦ XX – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI вв.

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Омск – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» на кафедре отечественной истории и историографии

Научный руководитель: **Рыженко Валентина Георгиевна**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Официальные оппоненты: **Красильникова Екатерина Ивановна**
доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и политологии факультета гуманитарного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный технический университет»

Соколова Евгения Валерьевна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры агрономии и агроинженерии факультета высшего образования Тарского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кафедра междисциплинарных исторических исследований

Защита диссертации состоится 14 ноября 2025 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета 99.2.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, библиографический отдел); https://omgpu.ru/dissertations/14219.

Автореферат разослан: «___» _____ 2025 г.

И. о. ученого секретаря диссертационного совета,
доктор исторических наук В. В. Миронов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние десятилетия в исторической науке растет интерес к исследованиям в русле локальной истории, регионоведения и краеведения. Возрастает и общественный спрос на информацию об истории родного края как важнейшую составляющую общероссийской культурно-исторической памяти, значимый фактор воспитания молодого поколения. Актуальность темы определяется и важностью изучения процессов формирования новой локальной культуры в условиях трансформации общества в постсоветский период, когда особое значение приобрела проблема складывания новой региональной и локальной идентичности. Перед поселениями встает задача поиска путей формирования локальных брендов, в том числе, через актуализацию образов прошлого. В связи с этим растет потребность в получении нового знания об изменениях среды повседневного обитания людей в условиях смены общественного устройства, идеологических установок, политики памяти и коммеморативных практик.

Степень изученности темы. Историографический обзор включает в себя несколько проблемно-тематических блоков. *В первый блок* вошли работы, имеющие теоретическое и методологическое значение для данного исследования. Теоретические аспекты новой локальной истории представлены в работах С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой[1], Л.П. Репиной[2], и др. Авторы рассматривают локальные пространства через изучение локальных сообществ, с вниманием к общегосударственному контексту.

Значимым для данной работы направлением является изучение процессов формирования и трансляции исторической памяти. Одной из самых востребованных в современной исторической науке является концепция «мест памяти» П. Нора. Места памяти, по определению П. Нора, это «всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»[3]. В настоящее время изучением исторической памяти занимается ряд отечественных исследователей: следует отметить Российское

[1] Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в проблемных полях современного исторического знания: сб. ст. / сост., ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 3-10.
[2] Репина Л.П. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX-XX веках: сб. статей / под ред. И. В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 10-19.
[3] Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 79.

общество интеллектуальной истории во главе с Л.П. Репиной[4], И.М. Савельеву и А.В. Полетаева[5], и др. А.В. Святославский, изучая на материалах центральной России различные аспекты российской мемориальной культуры, отмечает, что ее наиболее устойчивыми традициями являются военно-мемориальное направление и увековечение имен деятелей культуры и науки[6]. Нами учитывались также современные публикации по проблемам, связанным с политикой памяти[7].

Теоретические проблемы изучения культурного ландшафта малых городов в общероссийском контексте рассматриваются Л.Н. Мазур. Автор выделяет два типа малых городов, имеющих свои особенности формирования культурного ландшафта – исторический и советский[8]. Данная концепция, расширив наши представления о типологии малых городов, помогла на этапе очерчивания территориальных рамок исследования, а ее применение позволило дополнить полученные Л.Н. Мазур результаты локальными особенностями.

Ко второму блоку отнесены исследования, в которых изучается город как социокультурный феномен. На рубеже XX–XXI вв. сформировалось междисциплинарное направление – гуманитарная география, которое изучает образы пространства. Одним из элементов разработки гуманитарно-географического образа города в предложенной Д.Н. Замятиным модели является фиксация знаковых мест города: имеющих особое смысловое и символическое наполнение[9].

Важно отметить вклад Омской городоведческой школы, существующей на базе Сибирского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, заключающийся как в разработке теорети-

---

[4] История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.; Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // НП/NP. 2016. №1. С. 82-99.

[5] Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история: [в 2 т.] / И.М. Савельева; И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Т.1: Конструирование прошлого. СПб: Наука, 2003. 631 с.; Т.2: Образы прошлого. СПб: Наука, 2006. 749 с.

[6] Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. С. 414.

[7] Zuzanna Bogumil. Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past. New York: Berghahn Books, 2018. 302 pp.; Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти в России – региональное измерение // М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 471 с.

[8] Мазур Л.Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши = Krajobrazy pamięci małych miast Rosji i Polski: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 30.

[9] См.: Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276-323.

ческих вопросов культурного ландшафтоведения, так и в виде прикладных исследований[10].

Еще одним направлением изучения локальных пространств, имеющих значение для нашей работы, является семиотика пространства. Восприятие образа города как текст на примерах отдельных городов рассматривается А.Н. Давыдовым[11], В.В. Абашевым[12], Л.К. Козыревой и др. Авторы отмечают, что знаки в системе города – это материальные архитектурно-пространственные объекты, наделенные смысловым значением[13]. Из зарубежных ученых, представляющих город как семиотическую совокупность элементов культуры, выделим К. Линча и К. Шлегеля. Для К. Линча важно рассматривать городскую среду не саму по себе, а в визуальном восприятии человеческой общности (то есть, образ города)[14]. Исследовательский метод К. Шлегеля можно обозначить как метод «исследовательских экскурсий». В фокусе его внимания «текст города», требующий расшифровки: архитектура, улицы, парки, транспортные пути, музеи, и др.[15]

Актуальным направлением является изучение исторической памяти, в том числе и проблема локализации памяти в пространстве поселений. Историческая память является важнейшей характеристикой культурного ландшафта города, его духовной (нематериальной) составляющей[16]. Культурологический анализ практик бытования памяти в постсоветском городском пространстве предпринят в монографии М.Л. Шуб[17]. К осмыслению городских практик

---

[10] Алисов Д.А., Гефнер О.В., Золотова Т.Н., Хилько Н.Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М.: Институт Наследия, 2019. 98 с.; Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации: сб. науч. трудов / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезнёвой. М.; Омск: Институт Наследия, 2021. 170 с.; и др.

[11] Давыдов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л., 1988. С. 86-99.

[12] Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.

[13] Козырева Л.К. Семиотическое моделирование архитектурно-пространственной среды исторического центра города Барнаула: автореферат дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Л.К. Козырева. Барнаул, 2012. С. 10.

[14] Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. С. 15-21.

[15] Шлёгель К. Постигая Москву [Перевод с нем. В. А. Брун-Цеховского]. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.

[16] Алисов Д.А. Культурный ландшафт города и историческая память: проблемы формирования и разрушения //Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. Москва, Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 348.

[17] Шуб М.Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования. Челябинский государственный институт культуры. Челябинск: ЧГИК, 2018. 303 с.

коммеморации как фактора формирования культурной памяти города обращается Н.Г. Федотова. Значимым в контексте нашего исследования является вывод об управляемости городской коммеморации со стороны не только властных структур, но и общественности[18].

В третий блок были выделены работы, посвященные изучению городских и сельских поселений Западной Сибири в контексте парадигмы памяти. По М.Я. Рожанскому, рассматривающему Сибирь как пространство памяти, создание мест памяти – это форма увековечения людьми своих представлений о прошлом[19].

Заслуживают внимания исследования Е.И. Красильниковой, посвященные мемориальному пространству городов. Она выделяет две основные формы коммеморациий: памятные места и коммеморативные практики[20]. В ходе работы над грантовым проектом «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике» Е.И. Красильниковой и О.А. Громовой были проанализированы особенности формирования мемориального пространства малых городов Новосибирской области на протяжении второй половины XIX–XX вв. Отмечено, что в целом, мемориальное пространство здесь складывалось в русле общесибирских тенденций, но, по сравнению с областным центром, с некоторым отставанием и отсутствием оригинальных местных инициатив[21].

Обширен пласт исследований, посвященных отдельным памятникам и памятным местам, или тематическим направлениям мемориализации в крупных городах Западной Сибири[22]. Анализируются обстоятельства установки памятников, приводятся размышления об их значении в локальном и общероссийском масштабах. П.П. Вибе констатирует, что многие памятники советской эпохи, посвященные событиям Революции и Гражданской войны, к

---

[18] Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 138.

[19] Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: «Оттиск», 2013. С. 3.

[20] Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 12-13.

[21] Красильникова Е.И., Громова О.А. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX–XX вв.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. Т. 6. № 4. С. 13.

[22] См., например: Агапов М.Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 142-150; Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. № 4. С. 9-17; Гефнер О.В. История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 3. Режим доступа: http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf. (дата обращения: 16.03.2024); и др.

настоящему времени потеряли заложенное в них символическое значение, став частью городского ландшафта[23].

Обобщающее значение имеет исследование Е.В. Соколовой, посвященное культурному пространству малых городов Среднего Прииртышья (в 1920-е – 1980-е гг.)[24]. Автор выделяет два этапа в формировании культурного пространства: этап «становления» (1920-1950-е гг.) и этап «насыщения» (1950-1980-е гг.), отмечает, что на первом этапе активно шла трансформация пространства исторических городов, а на втором этапе – советских.

Интерес представляют работы научного коллектива под руководством В.Г. Рыженко. В ходе работы над грантовым проектом «Трансформации локальных культурных пространств: от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом» исследовалось культурное пространство поселений Западной Сибири, в том числе крупных[25] и малых городов[26]. Анализ показал, что черты дореволюционной, советской и современной символики памяти о прошлом в настоящий момент достаточно органично сосуществуют. В дальнейшем одним из участников этого научного коллектива С.С. Наумовым предпринят анализ степени участия региональной интеллигенции в конструировании новых форм и методов трансляции исторической памяти в период с 1985 по 2000 гг. (на материалах Омска и Новосибирска)[27].

Стоит также принимать во внимание публикации, посвященные развитию туризма в поселениях Западной Сибири[28]. Интерес для нас представ-

---

[23] Вибе П.П. Монументальная коммеморация событий революции и Гражданской войны в России: путь к примирению или расколу // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России, Омск, 30–31 октября 2017 г. Омск: Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 2017. С. 12.

[24] Соколова Е.В. Формирование культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья в 1920-1980-е гг.: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Е.В. Соколова. Омск, 2008. 26 с.

[25] Наумов С.С., Рыженко В.Г. Памятники жертвам локальных конфликтов и катастроф в постсоветской мемориальной культуре (на примере крупных городов Западной Сибири) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Материалы VI международной научно-практической конференции / Под ред. Т.И. Рябовой. 2019. С. 430-438.

[26] Демьянов К.В. Памятники в культурном ландшафте г. Ишима: трансформации локальных культурных пространств (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М.: Институт Наследия, 2020. С. 71-89.

[27] Наумов С.С. Гуманитарная интеллигенция как субъект исторической памяти в пространстве крупных городов Западной Сибири: 1985–2000 гг.: автореф. дис. … к.и.н.: 5.6.1. Омск, 2023. С. 18-19.

[28] Левочкина Н.А. Сельский туризм: теория и практика (на примере Омской области) // Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2015.

ляют и работы исследователей, изучающих деревню Окунево Омской области как сакральный центр[29]. Ученые проанализировали механизмы формирования сакрального центра, сравнили происходящее в Окунево с другими сакральными центрами в России и за рубежом.

Объект исследования – Малые городские и сельские поселения Западной Сибири.

Предмет исследования – динамика трансформаций локального культурного пространства малых городских и сельских поселений Западной Сибири (на материалах Омской и Новосибирской областей).

В рамках предмета исследования определилась **научная гипотеза:** о зависимости динамики и характера трансформаций образов и символов прошлого в локальных культурных пространствах малых городских и сельских поселений в переходный период от их типологии. Типология поселений определялась, исходя из основного фактора трансформации пространства поселения в исторической динамике. В качестве таких «пространствообразующих» факторов рассматривались: Дорога как живое место памяти (в частности, Московско-Сибирский тракт и Транссибирская железнодорожная магистраль), и фактор развития туристической привлекательности поселения. Было выделено три типа поселений: малый «исторический» город, малый советский город, малое туристическое поселение.

Цель: выявить структуру и характер динамики трансформаций локального культурного пространства малых городских и сельских поселений Западной Сибири (на материалах Омской и Новосибирской областей).

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих **задач:**

1) Рассмотреть вехи складывания культурного пространства малых «исторических» городов Западной Сибири с момента их образования до середины 1980-х гг.

2) Определить в культурных пространствах «исторических» малых городов Западной Сибири соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в изучаемый период (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.).

С. 351-353; Хилько Н.Ф. Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и поселениях Омского региона. Омск: Амфора, 2020. 140 с.; и др.

[29] Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Новые сакральные пространства, изобретение истории и глобальная информационная среда: деревня Окунево в Западной Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №3. С. 76-86; Головнева Е.В., Шмидт И.В. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 291-321; и др.

3) Охарактеризовать основные черты формирования локального культурного пространства малых советских городов с момента их образования до середины 1980-х гг.

4) Зафиксировать в меняющемся в изучаемый период культурном пространстве советских малых городов Западной Сибири направления и механизмы коммеморациий, связанные с национально-государственной версией исторической памяти, с подчеркиванием региональной или локальной уникальности.

5) Охарактеризовать особенности и механизмы трансформации локального культурного пространства малых поселений Западной Сибири, определяющее значение для которых в изучаемый период имеет фактор развития туристической отрасли.

6) Обозначить соотношение образов памяти о советской эпохе и новых образов и фигур, в том числе, связанных с дореволюционной историей России, Сибири и самих поселений; а также с событиями постсоветской истории.

7) Определить степень зависимости трансформаций локальных культурных пространств от типа поселения.

Хронологические рамки исследования охватывают период середины 1980-х гг. – первых десятилетий XXI в. Нижняя граница обусловлена началом перестройки и последующих преобразований. К факторам, оказавшим наибольшее влияние на трансформацию культурных пространств поселений, можно отнести, во-первых, появление условий для идеологического плюрализма, пересмотр некоторых устоявшихся положений, в том числе, и в мемориальной политике государства, и в общественном отношении к историческим событиям. Во-вторых, значимую роль сыграли изменения в информационном поле (уменьшение государственного контроля, появление новых средств массовой информации, возможность обсуждения более широкого круга тем).

Верхняя граница хронологических рамок обосновывается открытостью процесса продолжающихся трансформаций, в связи с чем непросто провести четкую грань. Наибольшее влияние оказывают изменения в государственной политике памяти, отражающиеся, в частности, в законодательных документах. Ряд таких изменений начала 2020-х гг. (например, поправки к Конституции, в которых подчеркивается необходимость «защиты исторической правды»; ужесточение законодательства, касающегося деятельности «иностранных агентов», и др.) позволяют подвести символическую черту и обозначить 2020-е гг. как следующий этап в российской политике памяти, выходящий за рамки данной работы. Обращение к дореволюционному и советскому периодам объясняется необходимостью изучения прошедших трансформаций культурного пространства для сравнительного анализа традиций отражения памяти о прошлом.

Территориальные рамки исследования:

Мы обращаемся к культурному пространству двух «исторических» малых городов Западной Сибири, на развитие которых оказал особое влияние Московско-Сибирский тракт (Куйбышев Новосибирской области и Тара Омской области); двух советских малых городов, большое влияние на развитие которых оказала Транссибирская железная дорога (Барабинск Новосибирской области и Калачинск Омской области). Как зона притяжения к Московско-Сибирскому тракту, а также в связи с особой ролью туристических центров в пространстве Западной Сибири, рассматриваются рабочий поселок Большеречье Омской области и деревня Окунево Муромцевского района Омской области.

Теоретико-методологическая база исследования:

Главной концептуальной моделью стала междисциплинарная историко-культурологическая городоведческая модель в контексте парадигмы памяти, разработанная научным коллективом под руководством В.Г. Рыженко (в состав которого входила и автор данного исследования). Данная модель опирается на ряд концепций. Одна из них – созданная В.Г. Рыженко модель изучения образа города, в которой в качестве опорного элемента матрицы образа используется понятие «культурно-цивилизационный ландшафт». Согласно этой концепции, связи между различными элементами матрицы и их преобразования обеспечивает целенаправленная деятельность людей. Организующими факторами выступают социально-политические установки, государственные интересы и творческая деятельность представителей местного сообщества[30]. Позднее модель была дополнена включением в матрицу музеев[31]. Еще одна опора – условная типология мест и фигур памяти в пространстве регионов, в рамках которой обозначены три уровня: фигуры и места общегосударственной значимости, отражающие национально-государственную версию исторической памяти; фигуры и места регионального значения, направленные на конструирование особой региональной идентичности; фигуры локального значения, в которых выражается местная идентичность, конструируемая «снизу»[32]. Помимо этого, учтена концепция общегородской «loci-совокупности», разработанная А.В. Дахиным. «Loci-совокупность» –

---

[30] Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 30.

[31] Подробнее об этом см.: Рыженко В.Г. Музеи в исследовательской модели «культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города» // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред.: Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск: Издательский дом «Наука», 2016. С. 280-283.

[32] См.: Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 339-340.

это совокупность известных горожанам мест (loci), являющихся частью локальной идентичности. Важным аспектом концепции А.В. Дахина является также соединение мест и нематериальной составляющей памятования: образов, мифов и легенд[33].

Обобщая указанные выше три составляющие, можно подвести итог: междисциплинарная историко-культурологическая модель изучения локального культурного пространства, ставшая основой данного исследования, предполагает анализ совокупности существующих/ утраченных символов – loci (памятников и памятных мест, значимых архитектурных объектов, топонимических наименований), их образной составляющей; и коммеморативных практик, реализуемых по инициативе разных акторов с разными целями.

Исследование базируется на принципах объективности и историзма; системном, междисциплинарном, семиотическом и феноменологическом подходах. Помимо общенаучных методов (анализа и синтеза) применялись специальные методы исследования. Применение историко-генетического метода необходимо для выявления причин, особенностей и динамики трансформаций локального культурного пространства поселений Западной Сибири за последние несколько десятилетий. Благодаря использованию историко-сравнительного метода удалось выявить общее и особенное в традициях отражения памяти о прошлом в культурном пространстве выбранных поселений в разные периоды; а также выделить специфические черты регионального историко-мемориального нарратива в сравнении с общероссийским. Применение методов гуманитарной географии необходимо для выявления и систематизации знаковых мест. В ходе исследования применялись элементы натурного обследования, разработанные на основе наследия И.М. Гревса и Н.П. Анциферова и топографического метода К. Шлегеля. Использовались и методы устной истории, в частности, анкетирование.

Характеристика источниковой базы:

Основу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные источники, разделенные на несколько блоков и расположенные по убыванию значимости для данного исследования. К первому блоку относятся ***нормативно-правовые акты и документы органов власти*.** Он включает, в частности, протоколы заседаний президиумов городских советов; решения исполнительных комитетов городских советов. Это позволило выявить направления и особенности политики органов власти в сфере увековечения памяти в локальном измерении, проследить, как менялись векторы этой политики на протяжении XX-го и первых десятилетий XXI вв.

Второй блок – это материалы ***периодической печати*:** преимущественно местных газет изучаемых поселений. Основной массив просмотрен фронтально. Помимо фактологических сведений, в периодической печати

[33] Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. № 19, 2011. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2011. С. 169.

отражаются волнующие общественность проблемы, что позволило использовать эти сведения при реконструкции образа культурного пространства поселений и его трансформации в разные годы.

Третий блок составили ***справочные издания и путеводители***, содержащие как визуальные материалы, так и фактологические данные. Наиболее информативными для нас стали каталоги памятников и памятных мест; справочные издания, посвященные знаменательным датам местной истории.

В четвертый блок вошли ***интернет-ресурсы***: новостные порталы, сетевые издания, официальные сайты средств массовой информации; официальные сайты органов власти и политических партий; официальные сайты учреждений культуры, науки и образования; исторические, краеведческие и туристические порталы.

Пятый блок включает ***визуальные материалы***. Значительная часть фотоматериалов, в том числе из личного архива автора (включающего в себя 693 фотографии) использована в приложениях с упоминанием их в тексте работы. Фотоматериалы из периодической печати, путеводителей, справочных изданий, архивных и музейных фондов, интернет-ресурсов дополнили имеющиеся фотографии и помогли выявить черты трансформации культурного пространства, происходящей ранее. К этой же группе источников относятся видеоматериалы – телевизионные передачи и документальные фильмы о деревне Окунево Омской области. Сравнительный анализ видеоматериалов позволил выявить изменения пространства и образа деревни.

Шестой блок – это ***материалы официальной статистики***. Они носили вспомогательный характер. Такую же роль выполнил седьмой блок – ***устные источники:*** материалы анкетирования местных жителей и туристов деревни Окунево (число респондентов составило 45 человек).

Положения, выносимые на защиту:

1. Основным фактором, влияющим на трансформацию культурного пространства «исторических» городов, стал Московско-Сибирский тракт. Доминантами культурного пространства в дореволюционный период были купеческие особняки, построенные ими учреждения социального и культурного назначения и культовая архитектура. Для советского периода характерна унификация коммеморации в русле общегосударственной политики памяти. Важным для различного насыщения культурных пространств символами памяти о прошлом было влияние личностей, становящихся инициаторами преобразований. Специфика сибирских «исторических» малых городов – «присвоение» некоторых фигур памяти общегосударственного значения, в связи с пребыванием их здесь в ссылке.

2. Национально-государственный нарратив в 1990-х – первой половине 2000-х гг. перестает играть определяющую роль в «исторических» городах, снова становясь преобладающим во второй половине 2000-х – 2010-е гг. К первому уровню в матрице фигур и мест памяти относится и подчеркивание

роли силовых структур и отдельных родов войск, и память о погибших в локальных конфликтах. Гуманизация и гуманитаризация образов памяти о прошлом (увековечение памяти о деятелях науки и искусства общероссийского значения) менее выражена, чем в центральной России. Феномен «ностальгии по старине» на первом уровне представлен в воссоздании утраченных объектов культовой архитектуры, на уровнях региональной и локальной значимости – в обращении к дореволюционному прошлому для конструирования локального бренда.

3. Основным фактором, влияющим на трансформацию культурного пространства советских городов, стала Транссибирская железнодорожная магистраль. С приходом советской власти поселения этого типа тоже встраиваются в общероссийскую политику памяти. Спецификой советских городов стало создание памятных мест, посвященных одновременно погибшим в Великой Отечественной и в Гражданской войнах: этим подчеркивалась линия преемственности между двумя советскими поколениями.

4. Важной частью постсоветской локальной идентичности советских городов становится советское прошлое. Государственный нарратив выражался в увековечении памяти о погибших в локальных конфликтах, причем характерно встраивание этой линии в ансамбль мемориалов памяти жертв Великой Отечественной и Гражданской войн. Снижение интереса к теме политических репрессий отражает стремление к поиску в советской эпохе лучших сторон. Второй уровень представлен памятью о достижениях железнодорожной сферы. Обращение к дореволюционному прошлому при конструировании локального бренда в меньшей степени характерно для советских городов, но при условии активной деятельности музеев направление все же развивается. Третий уровень представлен преимущественно мемориализацией достижений руководителей и тружеников местных предприятий, с преобладанием интереса к советскому периоду.

5. Влияние Московско-Сибирского тракта предопределило вектор трансформаций культурных пространств и малых туристических поселений. В постсоветский период определяющее влияние оказал фактор развития туристической привлекательности, формируемой разными путями. Для Большеречья, благодаря сохранности материального культурного наследия, развитию музейной и научной деятельности, энтузиазму отдельных личностей и культурной вовлеченности жителей, характерно складывание бренда поселения с опорой на историческое наследие. Формирование локального бренда деревни Окунево при отсутствии здесь развитых культурных и научных центров происходит под влиянием вненаучной интерпретации археологического наследия, распространению мифов, интересов религиозных организаций и бизнесменов.

6. Память о советской эпохе в изучаемый период выражена преимущественно в военно-мемориальном ракурсе, а для советских городов остает-

ся преобладающей. Память о дореволюционной эпохе увековечивается преимущественно в «исторических» поселениях, где она вытесняет и часть советского текста. Интерес к дореволюционному прошлому преобладает и в Окунево, но через мифологизированные интерпретации реального наследия. Постсоветские события меньше всего встроены в коммеморативные практики. Можно констатировать, что новые тенденции постепенно вытесняют память о советском прошлом (за исключением темы Великой Отечественной войны), ряд советских символов теряет заложенные в них смыслы.

7. Степень и характер динамики трансформаций локальных культурных пространств по ряду положений действительно зависит от выделенных типов поселений. Сохранность культурного наследия, развитость культурных и научных учреждений, вовлеченность жителей малых «исторических» поселений в культурные практики, востребованность историко-культурного потенциала в рамках развития туризма, понимание исторической роли поселения вызывают у жителей интерес к изучению дореволюционного прошлого. Важной частью локальной идентичности советских городов является память о советском прошлом, что выражается в выстраивании единой мемориальной линии, посвященной героям военных конфликтов советского и постсоветского периода, в отсутствии стремления к увековечению памяти о негативных сторонах советской эпохи, и на уровне локальной памяти проявляется в мемориализации преимущественно достижений советского периода. Однако, анализ показал, что не только тип поселения определяет степень и динамику трансформаций. Вклад отдельных личностей, общественных организаций, музеев может изменить вектор трансформации, заложенный особенностями типа поселения.

Научная новизна работы. 1. Апробация историко-культурологической исследовательской модели, соединяющей существующие концепции структурирования локального культурного пространства и матрицу трехуровневой иерархии мест и фигур памяти. 2. Сбор и систематизация информации об образах прошлого создали основу для картирования мемориальной инфраструктуры региона, обобщения и сравнительного анализа общероссийских, региональных и локальных направлений коммеморации с фиксацией динамических изменений. 3. Проверена гипотеза о наличии влияния типа поселения на темпы и специфику трансформаций локальных культурных пространств. 4. Определено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в поселениях разных типов. 5. Выявлено соотношение образов памяти о советской эпохе и новых образов, в том числе, связанных с дореволюционной историей России, Сибири и самих поселений; с событиями постсоветской истории; а также с мифологизированной интерпретацией прошлого. 6. Создание и применение новых источников – материалов анкетирования жителей и туристов деревни Окунево – позволило дополнить сведения о трансформациях образа деревни.

Теоретическая значимость исследования заключается в фиксации исчезающих признаков меняющегося локального культурного пространства поселений, что позволит расширить потенциал российской интеллектуальной истории, новой локальной истории, исторической урбанистики/городоведения, истории памяти. Апробированная модель исследования трансформаций локального культурного пространства может быть применена к другим регионам и историческим периодам.

Практическая значимость связана с возможностями применения результатов исследования в образовательной и воспитательной деятельности, для подготовки учебных курсов и учебной литературы в рамках регионального компонента в образовательных учреждениях, а также при подготовке статей, очерков, книг научно-популярного и популярного характера. Результаты могут быть полезны при разработке стратегии развития поселений, направленной на создание брендов территорий, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия, разработку туристических маршрутов.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы 5 статей в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК и RCSI, 12 статей и тезисов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций. Основные положения диссертации обсуждены на кафедре отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а также представлены на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе» (Челябинск, 2018 г.), «Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции» (Омск, 2018 г.), «Гришаевские чтения» (Красноярск, 2019), «Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве» (Новосибирск, 2019), «V Ядринцевские чтения» (Омск, 2019), X Всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России» (Омск, 2020), I Международная научная конференция «Пространство великих экспериментов» (Тобольск, 2021), IX Международный сибирский исторический форум «Народы Сибири и дальнего Востока с древности до наших дней» (Красноярск, 2022), «VI Омские научные чтения» (Омск, 2024), «XII Вагановские чтения (Тара, 2024), «VII Омские научные чтения» (Омск, 2025).

Структура исследования включает в себя введение, три главы, заключение, список источников и литературы и четыре приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, степень ее изученности, объект и предмет исследования, научная гипотеза, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, методологическая и источниковая база работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – **«История формирования и трансформаций локальных культурных пространств «исторических» малых городов Западной Сибири»** посвящена рассмотрению трансформационных процессов в поселениях первого из выделенных нами типов («исторических» малых городах).

В первом параграфе *«Куйбышев (Каинск) Новосибирской области: основные черты трансформации локального культурного пространства»* показаны особенности складывания локального культурного пространства Куйбышева. Основу культурного пространства Каинска в дореволюционный период составляли архитектурные сооружения и топонимические наименования. Советская трансформация включала в себя уничтожение или перепрофилирование объектов культовой архитектуры, масштабную смену топонимических наименований, увековечение памяти о погибших в годы Гражданской войны и о личностях общегосударственного значения. Во второй половине XX в. важнейшим направлением становится тема Великой Отечественной войны. Большинство памятников и мемориалов этой направленности в Куйбышеве появились благодаря инициативе местного скульптора П.В. Мартыненко. Интересной особенностью стало «присвоение» некоторых фигур памяти общегосударственного значения, в связи с пребыванием их здесь в ссылке (в частности, фигуры декабристов, А.П. Чехова и В.В. Куйбышева).

Постсоветские изменения не привели к новому витку трансформации топонимики. Национально-государственная версия исторической памяти, в советский период являющаяся основополагающей, в 1990-е гг. – первой половине 2000-х гг. перестает играть первичную роль (в 2010-е гг., когда происходит новая актуализация темы Великой Отечественной войны, ситуация меняется). Тема Гражданской войны теряет актуальность: новых памятных мест с 1987 г. не создавалось. Появляются новые направления: сохранение памяти о жертвах политических репрессий, о погибших в локальных конфликтах, о ликвидаторах техногенных катастроф, подчеркивание роли силовых структур, воссоздание разрушенного культово-религиозного наследия. Ко второму уровню – местам и фигурам памяти регионального значения – можно отнести проведение праздника «Каинск исторический», деятельность музейного комплекса по популяризации исторического наследия, усилия власти и общественности, направленные на реставрацию и поддержание состояния объектов историко-культурного наследия. К третьему уровню – фигурам памяти локального значения – относится фигура скульптора П.В. Мартыненко.

Второй параграф *«Структура и динамика трансформаций локального культурного пространства г. Тары Омской области»* посвящен рассмотрению основных вех трансформации культурного пространства Тары. Основой культурного пространства в дореволюционный период также выступали архитектурные объекты и топонимика, помимо этого, в Таре имелся бюст Михаилу

Романову. В советский период архитектурный облик Тары претерпел сильные изменения: из шести каменных церквей, существовавших в дореволюционный период, до настоящего времени сохранилась только Спасская. Советская политика мемориализации выразилась в изменении топонимики, создании памятников погибшим в годы Гражданской войны и личностям общегосударственного значения.

В изучаемый период в Таре первый уровень в отражении памяти о прошлом представлен военно-мемориальным направлением, увековечением памяти о деятелях культуры общероссийского значения, установкой памятных знаков на месте разрушенных церквей. Память о Великой Отечественной войне более активно представлена в топонимике Тары, чем в создании памятных мест. Для Тары, как и для Куйбышева, характерно «присвоение» памяти о личностях общегосударственного значения (в частности, о А.Н. Радищеве и А.Я. Валеке). Память о негативных сторонах советской эпохи представлена в виде памятных мест пострадавшим в ходе репрессий и ликвидаторам последствий Чернобыльской аварии. Ко второму уровню относится обращение к дореволюционной истории города с целью формирования образа Тары как старейшего сибирского города, сыгравшего важную роль в присоединении Сибири к России (во многом благодаря инициативе общественной организации «Тарский уезд»). Конструирование локального бренда сопровождается здесь частичным отказом от советских топонимов: ряду улиц были возвращены дореволюционные наименования. В рамках третьего уровня увековечивается память о представителях местной власти постсоветского периода, многое сделавших для развития Тары.

Во второй главе **«Советские малые города Западной Сибири: вехи складывания и трансформаций локального культурного пространства»** мы обращаемся к анализу трансформаций локального культурного пространства малых городов Западной Сибири, получивших статус города в советский период, особую роль в развитии которых сыграла Транссибирская железнодорожная магистраль.

Первый параграф *«Особенности формирования локального культурного пространства в Барабинске Новосибирской области»* посвящен анализу характера трансформационных процессов в культурном пространстве Барабинска. В качестве знаковых элементов культурного пространства пристанционного поселка в дореволюционный период можно отметить здание железнодорожного вокзала, деревянную церковь и топонимические наименования, отражающие как общероссийские тенденции, так и местную специфику. Советский период характеризуется быстрым ростом посёлка, унификацией мемориального пространства в соответствии с общегосударственной мемориальной политикой. В сравнении с «историческими» городами наблюдается некоторая бедность мемориального пространства: например, тема Великой Отечественной войны до перестройки была отражена только в

одном небольшом мемориале, посвященном одновременно и жертвам Гражданской войны.

В постсоветский период и до конца 2000-х гг. здесь почти не создавалось новых памятных мест, в отличие от «исторических» городов (где в этот период активно появлялись символы, связанные с дореволюционной историей, или с негативными сторонами советской эпохи). На первом уровне из новых направлений представлено подчеркивание роли отдельных родов войск. На уровнях памяти регионального и локального значения здесь прослеживается актуализация советского периода: на втором уровне увековечиваются достижения железнодорожной сферы, подчеркивается роль Транссибирской железной дороги для развития Барабинска, значение города для Сибири и страны в целом. На третьем уровне представлен преимущественно вклад значимых работников и руководителей местной железнодорожной промышленности.

Во втором параграфе «*Типичные черты и особенности трансформации локального культурного пространства Калачинска Омской области*» анализируются вехи трансформации культурного пространства Калачинска. Символами культурного пространства деревни Калачики в дореволюционный период выступали архитектурные объекты (деревянная церковь, купеческие дома) и топонимические наименования. В топонимике прослеживались и история деревни (фамилии первых поселенцев), и расположение значимых объектов, и общероссийские тенденции. В советский период Калачинск быстро развивается, становясь не только железнодорожным, но и промышленным центром. Культурное пространство в советский период насыщается символами в русле общесоветских тенденций.

Как и в Барабинске, 1990-е гг. можно назвать периодом «коммеморативного затишья»: начиная со второй половины 1980-х и вплоть до начала 2000-х гг. не создавалось новых мест памяти. Новая волна создания памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, как и в рассмотренных ранее городах, пришлась на вторую половину 2000-х – 2010-е гг. Первый уровень в Калачинске представлен также памятниками, посвященными героям локальных конфликтов (как и в Барабинске, здесь память обо всех героях военных конфликтов XX–XXI вв. объединена в единый мемориал). Память о деятелях культуры и науки общероссийского значения отражена в названиях улиц, появившихся в 2010-е гг.: Терешковой, Есенина, Блока (примечательно, что выбор персоналий связан с советским периодом). Памятников жертвам политических репрессий здесь, как и в Барабинске, создано не было. Негативные стороны советской эпохи отмечены только в памятнике жертвам Чернобыльской аварии. Второй уровень фигур и мест памяти отразился в появившихся в городе улицах М.А. Ульянова, Л.Г. Полищук и других деятелях культуры, связанных с Сибирским регионом, а также через обращение к дореволюционной истории. Третий уровень представлен

через увековечение трудовых достижений калачинцев (советского периода). Для Калачинска характерны и коммеморативные практики, нацеленные на привлечение туристического потока (например, связанные со ставшим брендом города калачом, или историей пребывания в районе Ширванского полка). Особая роль в развитии туризма и актуализации исторического наследия принадлежит здесь работникам историко-краеведческого музея.

Третья глава – **«Развитие туризма как фактор трансформации локального культурного пространства малых городских и сельских поселений (на примере значимых туристических центров Западной Сибири)»** посвящена изучению стратегий конструирования локальных брендов малых поселений Западной Сибири, основную роль в которых на современном этапе играет туристическая отрасль.

В первом параграфе *«Культурное пространство рабочего посёлка Большеречье Омской области: вехи формирования и пути создания локального бренда»* рассматривается трансформация культурного пространства Большеречья, для которого, благодаря сохранности материального культурного наследия, активному развитию музейной и научной деятельности и культурной вовлеченности жителей, характерно складывание локального бренда с опорой на историческое наследие. Определяющее значение для трансформаций культурного пространства имела деятельность отдельных энтузиастов, представителей местной власти, научные изыскания музейных работников. В мемориальном пространстве Большеречья присутствуют все три уровня матрицы иерархии фигур и мест памяти. Не теряет актуальности военно-мемориальный пласт, связанный с общегосударственной линией политики памяти (память о Великой Отечественной войне, о героях локальных конфликтов, об отдельных родах войск). Ко второму уровню можно отнести деятельность музея-заповедника «Старина Сибирская», заключающуюся в сохранении и популяризации архитектурных объектов и быта сибирского села, перформативных практиках. «Присвоение» фигур памяти общероссийского значения в связи с их пребыванием в ссылке связано здесь с именем А.Н. Радищева. Третий уровень заключается во внимании к фигурам памяти местного значения, сыгравшим знаковую роль в формировании культурного пространства рабочего поселка (например, В.С. Аношин, В.Д. Соломатин), а также деятелям культуры (В.А. Макаров).

Второй параграф *«Конструирование символических пространств в современной культуре в период перехода от советской эпохи к современности (на примере деревни Окунево Омской области)»* посвящен анализу постсоветских трансформаций культурного пространства специфического сельского поселения – деревни Окунево. Трансформация при отсутствии здесь развитых культурных и научных центров происходит под влиянием различных заинтересованных групп. Богатое археологическое наследие, его вненаучная интерпретация, распространение мифов средствами массовой

информации, интересы местных религиозных организаций и бизнесменов – все это формирует многогранный образ деревни Окунево как сакрального центра в масштабах Сибирского региона. При этом элементы образа, включающие различные представления из разных культур, сосуществуют, дополняя друг друга. Формирование локального бренда строится здесь с помощью включения в современность разрозненных элементов мифологизированных и многократно реинтерпретированных исторических традиций, что характерно для неотрадиционализма. В деревне Окунево практически не представлен уровень национально-государственной памяти: только в виде обелиска павшим на фронтах Великой Отечественной войны и коммеморативных практиках, осуществляемых местным клубом. Зато трансформации пространства, связанные с формированием бренда, представлены здесь наиболее ярко. Это перформативные практики (фестиваль Солнцестояние, праздник «Наваратри», и др.), преображения архитектурных объектов, установка скульптур, публикации в средствах массовой информации. В качестве фигур памяти локального значения стоит отметить фигуры писателя М.И. Речкина, археолога В.И. Матющенко, учителя А.В. Рахно.

В **заключении** подведены итоги и сформулированы основные выводы. В ходе исследования были зафиксированы существующие/ утраченные знаковые места культурного пространства выбранных поселений, определено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения применительно к поселениям разных типов на разных этапах. Анализ общего и особенного в тенденциях увековечения памяти о прошлом позволил выделить некоторые специфические черты локального и регионального историко-мемориального нарратива в сравнении с общероссийским. Выявлено соотношение образов памяти о дореволюционной, советской и постсоветской эпохах в изучаемый период. Анализ показал, что применительно к России переходный (постсоветский) период пока сложно назвать завершенным: современный культурный ландшафт поселений по-прежнему включает в себя значительное количество символов, имеющих советскую коннотацию. Однако, многие из них к настоящему моменту утратили прежние и/или приобрели новые смыслы. В ряде случаев новые тенденции (например, актуализация дореволюционного исторического наследия в Таре) постепенно вытесняют из культурного пространства память о советском прошлом. В ходе исследования была проверена и частично подтверждена научная гипотеза: степень и характер динамики трансформаций локальных культурных пространств поселений Западной Сибири по ряду положений действительно зависит от выделенных нами типов поселений. Длительная дореволюционная история «исторических» поселений, сохранность материального культурного наследия предопределяют активную работу культурных, общественных и научных организаций, а также вовлеченность местных жителей в преображение культурного пространства и насыщение его символа-

ми. Советские же города достигают своего расцвета именно в советский период, что приводит к поиску в этой эпохе лучших сторон и подчеркивания ее преемственности с эпохой современности (что выражается в отсутствии стремления отразить в культурном пространстве негативные моменты советского прошлого, в единой линии увековечения памяти героев всех войн и конфликтов XX–XXI вв., в обращении именно к советскому периоду на втором и третьем уровнях матрицы мест и фигур памяти). Однако, был выявлен фактор, оказывающий влияние на трансформацию, который не всегда вписывается в сформулированную гипотезу. Вклад отдельных личностей, общественных организаций, музейных работников может оказаться достаточно значительным, чтобы изменить вектор трансформации, заложенный особенностями типа поселения. Например, в Калачинске активная работа краеведческого музея, направленная на популяризацию дореволюционного культурного наследия, приводит к формированию образа города, включающего в себя не только черты советского промышленного и транспортного центра, но и воспоминания о старой деревне Калачики. Таким образом, советский город приобретает некоторые специфические черты «исторического».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Кузнецова А.В.* Фигуры и места памяти в культурном пространстве малого города (на материалах г. Куйбышева/Каинска Новосибирской области) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 2 (26). Омск: ОмГУ, 2020. С. 50–57.

2. *Кузнецова А.В.* Особенности ведомственной символики в современном пространстве крупного города (на материалах Новосибирска) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 109–118.

3. *Кузнецова А.В.* Фигуры памяти местного значения в локальном пространстве малого города: особенности мемориальных практик // Преподаватель XXI век. 2023. № 3, часть 2. С. 309–323.

4. *Кузнецова А.В., Рыженко В.Г.* Особенности трансформации локальных культурных пространств поселений Западной Сибири в период перехода от советской эпохи к современности: образы и символы памяти о прошлом (методологический аспект) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (90). С. 167–173.

5. *Кузнецова А.В.* Влияние коммеморативных практик на локальное культурное пространство (на примере рабочего посёлка Большеречье Омской области) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2025. Т. 12. № 1 (45). С. 50–55.

Публикации в других изданиях

6. *Кузнецова А.В.* Путеводители как источники по изучению социально-культурного локального пространства // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе: сборник научных статьей. Челябинск, 2018. С. 100–105.

7. *Кузнецова А.В.* Методика использования анкет для изучения локального культурного пространства (на примере полевого исследования в деревне Окунево Омской области) // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции: материалы конференции. Омск: ОмГТУ, 2018. С. 221–230.

8. *Кузнецова А.В.* Феномен символических мест в современной локальной культуре (на примере деревни Окунево) // Омские научные чтения: сб. статей. Омск: ОмГУ, 2018. С. 468–470.

9. *Кузнецова А.В.* Повседневная жизнь сибирских поселений в экспозициях историко-краеведческих музеев// Гришаевские чтения: материалы II нац. научной конференции. Красноярск: Красноярск. гос. аграрн. ун-т, 2019. С. 77–83.

10. *Кузнецова А.В.* Метаморфозы образа советской деревни из сибирской глубинки: локальное символическое пространство деревни Окунево Муромцевского района Омской области// Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: материалы Всерос. научно-практ. конференции. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 149–153.

11. *Кузнецова А.В.* Наследие педагога и краеведа П.Т. Сигутова: возможности использования при изучении локальных культурных пространств Омской области // Пятые Ядринцевские чтения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (30–31 октября 2019 г.). Омск: ОГИК музей, 2019. С. 141–145.

12. *Кузнецова А.В.* Отражение памяти о прошлом в культурном пространстве исторического малого города (на материалах г. Куйбышева / Каинска Новосибирской области) // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М.: Институт Наследия, 2020. С. 90–100.

13. *Кузнецова А.В.* Постсоветские трансформации культурного ландшафта отдельных районов крупного сибирского города: общие черты и индивидуальные особенности (на материалах Новосибирска) // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России». Омск, 2020. С. 249–263.

14. *Кузнецова А.В.* Город Куйбышев Новосибирской области: трансформация культурного ландшафта в период перехода от советской эпохи к современности// Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации»: сборник научных статей. Омск, 2021. С. 123–140.

15. *Кузнецова А.В.* Личность и память: особенности мемориализации в локальном пространстве малого города (на примере г. Барабинска Новосибирской области) // Омские научные чтения: материалы VI Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Омск, 2024. С. 198–204.

16. *Кузнецова А.В.* Значение «фигуры памяти» для трансформации пространства малого города: мемориальный аспект (на материалах г. Куйбышев Новосибирской области) // Вагановские чтения: материалы XII региональной научно-практической конференции, посвящённой 430-летию города Тары. Омск, 2024. С. 86–89.

17. *Кузнецова А.В.* Изучение культурного пространства малых городов на материалах Западной Сибири – к историографии проблемы // Омские научные чтения: материалы VII Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Омск, 2025. С. 93–99.

Подписано в печать 08.09.2025. Формат 60 х 84/16.
Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 227.

Издательство Омского государственного университета
(644077, г. Омск, пр. Мира, 55а)